

84(2 P-4 кер.)

038

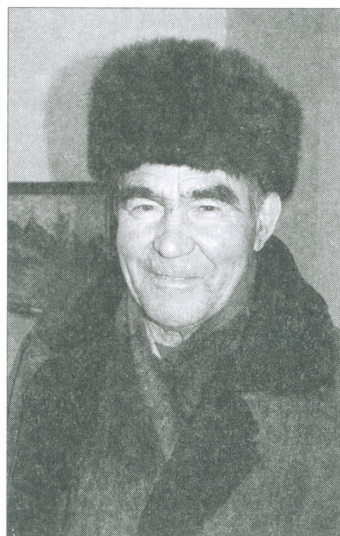
Огни Кузбасса

№ 1 / 2014

Дмитрий КЛЁСТОВ

ПЫЛЬ-ДЫМ

РУКИ

Нередко я руки теряю,
Как – будто и не было их:
Ладоней шершаво-корявых
И пальцев избито-кривых.

Чужие – по самые плечи:
Ни болей, ни судорог нет.
За что меня, кто покалечил
В расцвете задористых лет?

Какой суеверный фанатик
Загребы мои уволок?
Наверно, породу лопатит,
Наверно, крушит уголёк,

А может, таинственным сводом
Красивые крыши вершит...
«Опять ты раскинул колоды», –
Жена среди ночи ворчит.

СОВЕТСКАЯ ФАЗАНКА

На работу идут гроботёсы,
В шепелявых зубах папиросы,

Вороватыми смотрят глазами –
Топорки у них за поясами.

С Волги-матушки, тихого Дона
Безотцовщина, да из детдома.

Государственные фуфайки –
ФЗУшники это, хобзайки.

Присмотрела Отчизна, пригрела
Для насущного, общего дела.

Есть жильё и кормежка от пуза.
И великая стройка Союза.

ШАХТА «СЛЕПАЯ»

Она обижена судьбой:
Служить в сырой земле.
И обзывать её слепой
Позволено молве.

Она состарилась впотьмах
За много-много лет,
И не способна как-никак
Восславить божий свет.

Сиянье Млечного пути
И утренней зари
В ней имитируют, поди,
Скупые фонари.

Вечерний клекот пустельги
И ветер грозовой,
И благовоние тайги
Я привношу в забой.

За трудный опыт горняка,
За радость хлебных дней
Я канонадой взрывника
Отсалютую ей.

А за колониальный гнёт,
За много-много лет
Она единожды рванёт
На весь на белый свет.

НА СПЛАВУ

Бурлит и клоочет таёжный поток,
Резвится и кружится в заводи вешней.
Я клоун, мальчишка, я просто игрок
В работе горячей, отчаянной, спешной.

Ослизлые бревна – живые тела –
Вскипают и дыбятся в тесном заторе.
Азарт и бравада. Была ни была –
Фатальная пуля в ружейном затворе.

Осечка, промашка и жабам на дно
Утащат вериги – тяжелые бродни.
В лесную деревню прибудет кино,
И спирт настоящий прибудет сегодня.

Девчат-скороспелок примчится гурьба
Из дальних и ближних таёжных заимок.
И первой любовью ошпарит судьба
В порочно-пристойном кругу вечеринок.

В брезентовом фраке, с багром на плече
Явлюсь я в деревню пред милые очи,
Наполненный удалю русских мужей
И силой и славой рабочей.

* * *

Обильные, размашистые выюги
Легли лебяжьим пухом в тополя.
Красивые, улыбчивые друзья
Из чёрных рамок смотрят на меня.

В эпоху знаменитых пятилеток
Из них по праву каждый знаменит.
Забой последний пройден, напоследок
Землёй и снегом ласково укрыт.

Мои друзья, как в раскомандировке,
Сошлись рабочей силой поиграть.

И наплевать друзьям на забастовки,
На власть блатную тоже начихать.

До лампочки и гибнущее втуне
Чахоточное чрево рудников.
Они сошлись, как будто накануне
Собрания былинных горняков.

ВЗРЫВНИК

Торопясь и не трусливой прытью
Я шагаю к доброму укрытию.

Позади, в расщелине породной
Полыхает шнур огнепроводный.

Искрами всё ближе к аммоналу,
Жахнет вдруг! – скалы, как не бывало.

Станет в небе облако метаться,
И земля и воздух – колыхаться,

Сверху падать острые каменья
За мои лихие прегрешенья.

Но меня, как друга-ротозея,
Смерч взрывной по капле не рассеет.

Не хочу я быть распятым взрывом
На лугу до одури красивом.

САНИТАРНАЯ РУБКА

Санитарная рубка в тиши
Беззащитного бора,
Санитарная рубка – афёра
Низкопробной корявой души.

Мы нечаянно. Мы за чай
Корабельные сосенки пилим
Могутным оборотистым «Штилем»
Прямоком в ненасытный Китай.

Наш кондовый, реликтовый лес
Оборотистый Ванька спровадит,
Сам на полном скаку пересекает
В бронированный Мерседес.

Смажет Ваньку, как некую тлю,
Бронебойная пуля-голубка...
Чу! Идёт санитарная рубка
В милосердном тишайшем краю.

* * *

Лезхозовский балок –
Таёжная избушка,
Залётный мужичок
У нас на побегушках.

– Савелий, поднеси!
– Сгоняй-ка по дровишки!
Откуда на Руси
Беспечные людишки?

Он хвалится: в НИИ
Был первым инженером.
Никто ему – ни-ни –
На этот счёт не верит.

И вроде не балбес,
Но и, увы, не пахарь.
А наш сибирский лес
Не бублики, не сахар.

Ненастье да нужда,
И низкая зарплата.
И злобу, как всегда,
Мы сдабриваем матом.

Кто виноватый в том,
Что мы осатанели?..
Идёт на ключ с ведром
Безропотный Савелий.

* * *

Над синью таёжной
Белесая дымка
Струится дремучим
Заснеженным логом.
Под кедром могучим
Изба-невидимка –
Забитая снегом,
Забытая богом.

Пустынная келья
Не знает кручины.
Среди первозданных
Сугаров-заносов
Она разговееется
Светом лучины
Да сочивом сладким
Лесных дикоросов.

ПЛАЧ-ГОРА

Я вчера спросил буровика,
Хорошо знакомого с тайгой:
– Эта горка с прядью тальника
Отчего зовётся Плач-горою?

Каждая колдобина трясла
Работягу – мощного «Урала»,
Что за тайна горькая легла
У её подножья – пьедестала?

– Мудрствовать лукаво не могу,
Философий тоже не приемлю:
Самоходка траками в логу
Человека затоптала в землю.
Вот и всё, – ответил буровик. –
Наша повседневная работа.
Впрочем, был бесхитростный мужик,
Да себе на горе полоротый.

Выходы из мифа-тупика
Вряд ли я когда-нибудь открою...
Эта горка с прядью тальника
Пусть себе зовётся Плач-горою.

* * *

Я топором взмахну и крикну
(Мне дело это по зубам),
И годовые кольца кряжу
Пересечёт глубокий шрам.

Крепись, увесистая чурка,
Несокрушимый делай вид.
Трещит извивая печурка,
И банька русская дымит.

Окно обильно запотело,
Вдыхаю, и не надышусь.
Задорно крякая, по телу
Я свежим веником пройдуся.

До одури, молодцевато,
Я исхлещу все мощи всласть,
Водой холодной из ушата
Я обольюсь, перекрестясь.

И тело розово обмякнет
Иду на воздух, чуть дыша,
А стопку поднесут, и крякнет
Достойно русская душа.

БЛАГОВЕСТ

Синь морозная, воздух вольный.
Бездна чистая, как слеза.
Воздымается колокольная
В Салаирские небеса.

Седину свою запрокину
В переливчатый перезвон.
Вековечную боль-кручину
По-отцовски врачует он.

По холмам – разливанной негой,
По распадам – блаженный шум.
Он посредник Земли и Неба
И моих застарелых дум.

«ПЫЛЬ-ДЫМ»

Дядя Ваня «Пыль-Дым»,
Клана некогда павшего,
Под окошком моим
На похмелку выпрашивал.

Дашь, не дашь – пилигрим
Отойдет, не обидится.
Лишь ругнется: в пыль-дым,
На том свете увидимся.

Осенила меня
Вроде выгода шкурная,
Будто книжка моя –
Что клубничка гламурная.

Вот подам-подарю,
Может быть, не побрезгует,
И за чтивом зарю
Встретит – зореньку трезвую.

Сочиненье моё
Нрава доброго, строгого
Пусть украсит жильё,
Бомжеватое логово.

Вроде, от кулака
Отшатнулся от подлости,
Мол, нашел дурака
Изучать ваши повести.

Одарил бы рублем –
Взял бы он без зазрения.
Горе горькое в нем
Моего поколения.

Под окошком другим
Руки жмет заскорузлые
И поносит в пыль-дым
Сочинителя русского.

Мне гнушаться-чваниться
Было некогда.
Омываю девку-пьяницу –
Больше некому.

Разбежались тертые
Собутыльники.
Будто врежет мертвая
Подзатыльника.

На дрянном половике
Обнаженная.
Мыло есть в моей руке
Благовонное.

Русы косы расплету –
Раскудрявятся.
Я увижу красоту –
Раскрасавицу.

И отмою добела
Руки-ноженьки.
Чтобы чистенькой была
Перед боженькой.

Откукует кукушечка скоро
На опушке окрестного бора,
Насчитает лухие години,
Не осилить мне и половины.

Но коснётся коса травостоя
На макушке Петровского зноя,
Да напьются медовые злаки –
Я забуду кукушечьи враки.

И забудет родная сторонка,
Но овсянка – приёмная мать
Будет нянчить её кукушонка
И научит по жизни порхать.

* * *

На моей белоснежной Родине
Вихри всякие колобродили.
Посреди зимы морось-оттепель
Непогодушка завернет теперь,
Или стынь-мороз по-над пашнями
Грянет вдруг по-сибирски, по-нашему.

* * *

С пилой да рубанком, с топориком вещим,
Повсюду своим и повсюду нездешним,
Я брёл по родной, благодатной Сибири,
Меня беспризорные бабы любили,
А я перво-наперво – доброе дело,
Потом лишь Тургеневско-Бунинских девок
Я слушал напевы, стихи-переливы
И самым несчастным и самым счастливым.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ШАХТА, ШАХТА, МАЛАЯ ОТЧИЗНА...

Помню всегдашний упрёк поэтам Кузбасса, мол, живём в индустриальном крае, а вы пишете о природе, о любви, берёзках и цветочках. Где стихи о героической профессии, о шахтёрах? И действительно, отчасти вопрос и упрёк были справедливы. Но всё это происходило, по-моему, потому что настоящие поэты, а они всегда были в нашем крае, не могут писать о том, что не знают, или, зная, – неправду. Это недоехавшему или проезжему поэту из Москвы можно было бросить что-нибудь «нетленное» типа: «Через четыре года / Здесь будет город-сад!» Или совсем надуманное, как про детей в песочнице (о шахтёрах): «Порой копать в собственной душе / Мы забываем, роаясь в антраците». И пошли-поехали строчки письменно и песенно колесить по стране.

«Нравственность есть правда», – сказал наш современник, сибиряк, имея ввиду и то, что писатель, поэт должен отвечать за написанное.

В нашем шахтёрском крае появились и окрепли своим словом поэты-шахтёры: Дмитрий Клёстов, Николай Бацевич, Александр Курицын. Причастность к делу, превратившаяся в родство, даёт им право говорить открыто, с выстраданным знанием – с гордостью и горечью о шахтёрском труде.

Знаю, Дмитрий Клёстов шёл именно к этим стихам далеко не прямым и торным путём. Полнота жизни захлёстывала отзывчивый его талант.

* * *

Я пас коров в березняке,
В крушинном логое.
Я ноги грел в коровяке,
Босые ноги.
В грозу от хлёсткого дождя,
Стального града
Меня, как юного вождя,
Спасало стадо.
Бурёнки, жертвуя собой,
Они, скотины,
Смыкали дружно надо мной
Рога и спины.
Грозой омытый березняк
Был чист и ясен.
Не обзывал я их никак
И не дубасил

И нужно было время, чтобы наметился основной вектор в его поэзии – шахтёрский. Но не подумайте, что я восхищаюсь узким специалистом, посвятившим себя целиком и полностью написанию стихов на заданную тему, а узкая специализация нынче особенно приветствуется – можно больше заработать. Здесь другое, о чём бы ни писал поэт Дмитрий Клёстов, работая в шахте или, выйдя на пенсию, рубя баньку или часовенку в тайге, он остаётся шахтёром, современником, рабочим человеком, закса такая.

Мы в старую шахту пробились забоем.
Бабахнули взрывом над вечным покоем.

Оказывается, «здесь золото рыли мятежные предки». Вот тесный штрек, вот тяжёлая тачка. Но концовка стихотворения высвечивает, как во мраке, горькую нашу историю:

Балда деревянная, цепи, колодки,
А всё остальное, как в нашей проходке.

А это уже наши дни, и опять они почему-то не слаще:

Горловина смердящего кратера,
Исступленно разинутый зев.
А над ним – нелюбовь Богоматери
И Всевышнего истовый гнев.

Или:

Камыш и осока и бледный тальник,
Фабричные грязные стоки...
А я не волнуюсь, я как-то привык
К иронии жизни жестокой.